

— Высокая гора Тяньтай... — тихо произнёс Лю Бэй. — Эти заброшенные тропки, по которым редко ступает нога простолюдина, хоть и глухи, но в своей безлюдной простоте таят особое, уединённое очарование.

Заложив руки за спину, старый император шёл вперёд широким, уверенным шагом. Шэнь Цинчжоу неотступно следовал за ним, стараясь не отставать ни на миг. Ноги старого государя уже почти растаяли, превратившись в полупрозрачную дымку, однако он упрямо продолжал идти, сиюсь сохранить величие поступи и не желая выказывать ни капли подступающего бессилия.

Внезапно он остановился. Протянув ладонь, старик поймал багряный луч угасающего солнца и медленно сжал пальцы, словно пытался удержать в горсти это бесплотное золото заката.

— До чего же прекрасен этот закат... — негромко вздохнул он.

Вот только удержать его было не суждено. Ни закатный свет, ни всё остальное, что когда-то было ему дорого.

Шэнь Цинчжоу не был из тех, кто льёт слёзы над увяданием природы, но душа его оставалась чуткой. От этой щемящей картины у него перехватило горло, а глаза обожгло непрошеными слезами.

Лю Бэй обернулся и, тепло усмехнувшись, мягко поддразнил его:

— Ой, А-Чжоу, отчего же у тебя глаза заблестели?

И этот взгляд, и ласковый тон — всё выдавало в нём старшего, забавляющегося над смущением ребёнка.

Шэнь Цинчжоу поспешно сморгнул влагу.

«Подумаешь, взгрустнулось немного, — мысленно оправдался он. — Но ведь держать себя в руках я умею, не реветь же мне здесь, в самом деле?»

— Да вовсе нет! — поспешно возразил он. — Вам показалось, мой господин!

Лю Бэй, глядя на его покрасневшие глаза, лишь тихонько хмыкнул.

«Ишь, упрямится ещё, хоть сам едва держится, — подумал старик с грустной нежностью. — Ну да ладно, подыграю ему. Надо же сберечь лицо нашему А-Чжоу».

— А-Чжоу, — негромко заговорил Лю Бэй. — Расскажи-ка мне... что было после того, как я ушёл?

Под этим «после ухода» старый правитель, конечно же, подразумевал время, наступившее после его завещания в Городе Белого Императора. Он уже знал, каким печальным оказался удел Цзи Хань, но его сердце всё равно жаждало узнать: как именно страна выстояла и превозмогла те первые, самые горькие годы невзгод?

Шэнь Цинчжоу внутренне подобрался:

— Хорошо.

К счастью, совсем недавно, когда нужно было передать манускрипты Чжоу Фу, он как раз освежил в памяти «Историю Шу», поэтому сейчас его рассказ тек плавно и уверенно, без единой заминки.

По мере того как звучал его размеренный, тихий голос, лицо Лю Бэя беспрестанно менялось. На нём отражались то вспышки былого гнева, то бессильное сожаление, то глубокая скорбь.

Когда же рассказ коснулся того трагического часа, когда Чжугэ Лян безуспешно пытался продлить свои дни ритуалом семизвёздных лампад и угас под завывание холодного осеннего ветра на равнине Учжаньюань, взор Лю Бэя окончательно затуманился.

— Довольно, — тихо прервал он.

Шэнь Цинчжоу послушно замолчал.

— Спасибо тебе, А-Чжоу. Этого... вполне довольно. — Лю Бэй по привычке потянулся пальцами к вискам, но ладонь лишь безвредно рассекла зыбкую туманную дымку призрачного тела. Старик грустно усмехнулся, вновь вспомнив, что его земной путь завершился невообразимо давно.

Его верная Цзи Хань, его дорогие соратники и названные братья — все они тоже ушли в небытие целую вечность назад. Настолько давно, что если бы он спустился в загробное царство прямо сейчас, то, пожалуй, едва ли узнал бы их лица.

— А-Чжоу... побудь ещё немного со мной, старым неприкаянным призраком. Давай вместе проводим этот закат.

Лю Бэй ушёл. Растворился беззвучно и кротко, не потревожив ни единой живой души.

До самого последнего мига, пока его дух окончательно не растаял в воздухе, он упрямо молчал. Старик так и не решился спросить, вспомнил ли Шэнь Цинчжоу хоть крупицу их общего прошлого — слишком сильно он боялся услышать ответ, который разрушит его последнюю зыбкую надежду.

Впрочем, того тихого, искреннего «мой господин» и так было более чем достаточно. Оно стоило тысячи слов.

Увидев, что Шэнь Цинчжоу возвращается один, спутники сразу всё поняли и не стали докучать ему расспросами о судьбе старого правителя. В конце концов, речь шла о герое давно минувшей эпохи. Те немногие, кто ведал его тайну, не испытывали перед этим призраком настоящего трепета. Растаял и растаял — оставалось лишь с лёгкой грустью посетовать на превратности судьбы да мысленно почтить память великих предков славной Цзи Хань.

Из всех присутствующих глубокую печаль ухода разделила с Шэнь Цинчжоу лишь принцесса Чандин, Дунфан Цзе. Простодушная Су Пинь и вечно сосредоточенная на своих делах Цинь Сыминь не придали этому событию особого значения.

Мимолётная встреча обернулась столь же стремительным прощанием.

Шэнь Цинчжоу не смел даже гадать, какие чувства овладеют им, если однажды он всё же обретёт утраченное прошлое и мысленно вернётся к этому дню.

— Владыка Цинь! — раздался испуганный окрик. — Цинь Куньюй!

Смятение в звонком голосе подбегающей Су Пинь разом оборвало его невесёлые размышления.

Обернувшись к спешащей к нему девушке, он мгновенно посерьёзней:

— Начальник стражи Су, что стряслось? Неужели недобитки Цай Биня снова затеяли смуту?

— Нет, нет, дело не в Цай Бине, — Су Пинь остановилась в нескольких шагах от него, тяжело дыша. Лицо её было белым как полотно. — Принцесса! С ней что-то не так!

— Её Высочество? — Шэнь Цинчжоу невольно вздрогнул. — Что с ней случилось?

— Сама не знаю! — Су Пинь в панике зачастила, вытирая пот со лба. — Как только мы вернулись, принцесса сразу ушла в свой шатёр и приказала мне караулить у входа. Сказала никого не впускать без её личного дозволения.

Сделав судорожный вдох, она попыталась унять дрожь в голосе и продолжила:

— Из шатра очень долго не доносилось ни звука. Я окликнула её раз, другой — тишина. Испугавшись, что стряслась беда, я решилась войти... А Её Высочество лежит без чувств на постели! И никак не приходит в себя, сколько я её ни звала!

«Принцесса Чандин занемогла, а ты вместо того, чтобы трубить тревогу среди личной гвардии или бежать к лекарям, первым делом мчишься ко мне?» — Шэнь Цинчжоу не знал, сердиться ему или смеяться. Должно быть, его недавние подвиги на пути в Царство Шаохао и то, с каким почтением к нему отнёсся сам Лю Бэй, окончательно убедили девицу, что он обладает какими-то тайными, почти божественными силами.

— Успокойтесь, начальник стражи Су, — мягко произнёс Шэнь Цинчжоу. — Великие люди хранятся Небом, Её Высочество непременно поправится. Скажите, в лагере есть опытный лекарь?

Су Пинь отчаянно закивала. На её глаза навернулись слёзы, перехватив горло так, что она не смогла вымолвить ни слова.

— Сначала нужно немедленно привести лекаря, — решительно скомандовал Шэнь Цинчжоу.

Су Пинь наконец смогла вздохнуть свободнее. Прижав ладонь к груди, она торопливо заговорила:

— Я уже отправила Старшего Фэна за помощью. Но я прибежала спросить вас, владыка Цинь... когда вы с принцессой ходили провожать призрака, вы не натыкались на что-нибудь... из ряда вон выходящее?

Под «вами» она, очевидно, подразумевала самого Шэнь Цинчжоу и покойного Лю Бэя. Дунфан Цзе от природы обладала завидным здоровьем, и её внезапная слабость могла быть вызвана лишь каким-то внешним, неведомым пагубным влиянием. Су Пинь вовсе не подозревала Шэнь Цинчжоу в злом умысле, но долг личной гвардии Её Высочества обязывал её цепляться за любую, даже самую малую зацепку.

— Необычное? — Шэнь Цинчжоу на мгновение задумался, и в его памяти тут же всплыли недавние события. — Что ж, кое-что действительно случилось. Однако я не смею утверждать, что причина кроется именно в этом.

— Что же?! Владыка Цинь, помилуйте, сейчас не время напускать туману! Говорите прямо, с чем вы там столкнулись? — взмолилась вконец изведшаяся Су Пинь.

Шэнь Цинчжоу, однако, остался невозмутим:

— Это личная тайна Её Высочества. Без её прямого дозволения я не смею нарушить молчание. Прошу меня простить.

Су Пинь в досаде топнула ногой и, начисто позабыв о приличиях, мёртвой хваткой вцепилась в воротник его одеяния.

— Хватит тратить время на пустые разговоры! Живо к принцессе!

С этими словами она вихрем сорвалась с места, увлекая несчастного Шэнь Цинчжоу за собой в глубь военного лагеря и поднимая за собой тучи дорожной пыли.

— Пойдите! Начальник стражи Су, пустите! Вы же меня задушите, пустите воротник!

Су Пинь бесцеремонно втощила Шэнь Цинчжоу в главный шатёр. Убранство здесь было предельно строгим, чисто воинским: простой письменный стол, жёсткая походная постель да стойка с оружием — ни одной лишней детали.

Дунфан Цзе лежала на постели. Её обычно ясные, суровые очи были закрыты; лицо её дышало таким покоем, словно она просто погрузилась в глубокий сон.

У её изголовья сидела пожилая женщина-лекарь в простом синем халате. Свои аккуратно причёсанные серебряные волосы она уложила волосок к волоску. На её благообразном лице не было и следа старческой немощи: спину она держала прямо, а глаза её смотрели цепко и ясно.

Фэн Цуньжи в шатёр входить не стал. Сжав рукоять своего тяжёлого клинка, он преданным стражем застыл у самого входа.

— Лекарь Сюэ, что с принцессой? — едва переступив порог, шёпотом спросила Су Пинь. Даже в крайнем смятении она сумела вовремя спохватиться и не закричать во весь голос.

Старая целительница медленно убрала пальцы от запястья принцессы и с усталым вздохом потёрла переносицу:

— Занедужила наша государыня как-то странно. Признаться, я и сама пока в толк не возьму, что с ней приключилось.

Договорив, Лекарь Сюэ скользнула взглядом по вошедшим и, заприметив Шэнь Цинчжоу, с любопытством прищурилась:

— А это что за славный юноша с тобой?

— Это Цинь Куньюй, доверенный управляющий семьи Цинь с Пэнляя! Ох, Лекарь Сюэ, ну нашла время гостей разглядывать! Посмотри лучше на принцессу, умоляю! — взмолилась Су Пинь, вновь забывшись и повысив голос.

Целительница недовольно прищелкнула языком:

— Глупая твоя голова! Раз уж у меня хватает досуга разглядывать этого молодца, могла бы сообразить, что смертельной опасности для Её Высочества нет. Будь иначе, я бы первая тут металась в три погибели!

— Да, знаю я, знаю, ты ведь принцессе вместо родной матери была, за неё у тебя сердце больше всех болит, — Су Пинь послушно прильнула к старушке и осторожно взяла её под локоть, заглядывая в глаза. — Но ведь негоже Её Высочеству так бесцельно лежать. Как нам её на ноги поставить?

Лекарь Сюэ немного смягчилась и, похлопав девушку по ладони, рассудила:

— Пульс у нашей государыни ровный, застоя духовных сил нет. Скажу больше — её внутренняя сила сейчас на подъёме, словно вот-вот совершит качественный прорыв. Беда в другом: обитель разума её сейчас погружена во тьму, а божественное сознание будто сокрыто непроницаемой завесой.

— Обитель разума погружена во тьму?! — Су Пинь испуганно отшатнулась, и у неё по спине пробежал ледяной озноб. — Матушка, не пугай меня так! Как же повреждение души может быть пустяком?!

Раны на теле исцелить нехитро, но если задета сама душа, увечье может остаться на всю жизнь. Снадобий, способных вернуть мертвеца с того света и нарастить плоть на истлевшие кости, в сокровищницах Великого Цянь хранилось в избытке. Но вот редчайшие дары природы, способные исцелить повреждённый дух, ценились превыше любых богатств, и даже самому императору пришлось бы изрядно потрудиться, чтобы раздобыть хотя бы крупицу такого сокровища. Ради спасения принцессы Чандин царственный дом, безусловно, перевернул бы небо и землю, однако главный вопрос состоял в ином — позволит ли время ждать столь долго?

Целительница промолчала. Вместо ответа она медленно повернула голову и уставилась на Шэнь Цинчжоу долгим, въедливым взглядом. Юноша почувствовал себя крайне неловко. Дома старейшины не раз оглядывали его с ног до головы, но во взоре этой целительницы читалось нечто совершенно иное... нечто такое, чему трудно было подобрать пристойное описание. То не был тёплый взгляд бабушки на любимого внука, не был придирчивый взор тёщи на будущего зятя и уж точно не нежная истома влюблённой девицы. Скорее, её взгляд походил на взор праздного столичного франта, заметившего диковинного, холёного зверька, с которым непременно хочется позабавиться.

Почувствовав, как внутри всё сжимается от нехорошего предчувствия, Шэнь Цинчжоу тихонько отступил на полшага к выходу.

«Просто жуть какая-то», — мысленно содрогнулся он.

— Стало быть, Цинь Куньюй? — вкрадчиво, с ленцой протянула Лекарь Сюэ, не сводя с него глаз. — До чего же благообразный да статный малый. И чего пятишься? Здесь кроме Чжаньмэй да нашей принцессы никого нет. Неужто думаешь, старая карга тебя живьём проглотит?

Взглянув на её морщинистое, расплывшееся в улыбке лицо, Шэнь Цинчжоу неловко кашлянул:

— Почтенная целительница, боюсь, в таком тонком деле от меня не будет никакого проку...

— Что за вздор ты несешь?! С чего бы это от тебя не было проку? — звонко перебила его старуха. — Будь любезен, стой где стоишь и не смей шагу ступить из шатра, пока наша государыня очи не разомкнёт!

Не успел он подыскать достойный ответ, как Су Пинь испуганно воскликнула:

— Лекарь Сюэ, неужели ты думаешь на него?!

Но старая лекариха лишь отвесила ей крепкую затрещину. Девушка жалобно пискнула, прижав ладони к ушибленному лбу, и обиженно захлюпала носом.

— Язык-то попридержи! — ворчливо бросила целительница, выразительно закатив глаза. Раз уж её замысел был раскрыт, скрывать очевидное не имело смысла. Она прямо взглянула на Шэнь Цинчжоу и качнула подбородком: — Да, именно так. Мне дела нет до того, как вы сошлись, и безразлично, из какого он гнезда — из Циней или Мэнов, простой ли он прислужник или высокий старейшина. Будем судить по совести: этот юнец сейчас — первый, к кому стоит присмотреться.

Су Пинь округлила глаза, отчаянно пытаясь заступиться за него:

— Но какой у Цинь Куньюя может быть умысел вредить?..

Лекарь Сюэ сурово осадила её встречным вопросом:

— А у Цай Биня какой, скажи на милость, был резон поднимать бунт против короны?

Девушка тут же прикусила язык, не найдя что ответить.

— Хм... — нерешительно подал голос Шэнь Цинчжоу. — А вам не показались странными те чёрные узоры на коже Цай Биня?

Обе женщины разом повернули к нему головы и в один голос переспросили:

— Узоры? Какие ещё чёрные узоры?

— Да прямо у него на лице и теле, когда он рассвирепел. Там проступили жуткие чёрные отметины, от которых исходили клубы тёмной мглы. Мой сородич пустил в него стрелу, но именно эта нечистая сила преградила ей путь и спасла мятежника, — принялся описывать увиденное юноша.

— Я сама-то в тылу распоряжалась, мало что видела. Чжаньмэй, а ты заметила хоть что-то подобное? — растерянно обратилась Лекарь Сюэ к Су Пинь.

Су Пинь растерянно захлопала глазами:

— Я? Да нет, ничего подобного не видела...

— Как это не видели, начальник стражи Су? Они же были прямо перед глазами! Когда эти узоры проступили на его коже, глаза его налились пугающим багрянцем, — опешил Шэнь Цинчжоу.

Су Пинь и матушка Сюэ недоумённо переглянулись, после чего обе разом повернулись к Шэнь Цинчжоу и согласно покачали головами.

— Нет. Абсолютно ничего подобного мы не видели.

Шэнь Цинчжоу в глубоком замешательстве потёр виски.

«Неужели они и впрямь ничего не заметили? Теперь понятно, почему на поле боя никто даже бровью не повёл, когда завязалась эта чертовщина».

«Неужто это очередная моя странность? Способность зреть сокровенное от взоров обычных смертных?..»

«Пожалуй, стоит расспросить об этом Чжоу Фу. Надо непременно навестить его нынешней же ночью».

Решив пока не беречь эту рану, он поспешно замял разговор и расспросил о самочувствии Её Высочества. К счастью, женщины не стали допытываться. Лекарь Сюэ безучастно провела пальцами по запястью Дунфан Цзе:

— Помутнение разума, конечно, дело тонкое, но для меня — отнюдь не конец света. Мне лишь не даёт покоя вопрос: что именно послужило толчком для этого затмения?

Шэнь Цинчжоу лишь горько усмехнулся:

— Увы, мне и самому сие неведомо. Скажи лишь, почтенная целительница, когда нам ждать пробуждения Её Высочества?

Лекарь Сюэ окинула его лукавым, понимающим взглядом:

— Ишь какой шустрый. С чего ты взял, что у старой карги хватит сил вернуть к жизни Её Высочество?

— Ты изволишь шутить, почтенная целительница, — с мягкой улыбкой возразил Шэнь Цинчжоу. При свете ламп его точёное как нефрит лицо дышало редкой безмятежностью, выдавая в нём человека незаурядного ума и высокого духа. — Истинному мастеру притвориться невеждой куда сложнее, нежели глупцу корчить из себя великого мудреца.

На лице старухи расплылась довольная улыбка — столь тонкая похвала явно пришлась ей по душе:

— Ну, это если судить с высоты твоего ума. Обычным смертным такая проницательность не дана.

Шэнь Цинчжоу вежливо склонил голову в знак согласия.

«Вообще-то, уважаемая матушка, ты сама только что выболтала всё подчистую», — подумал он.

Ведь когда целительница рассказывала о недавнем сражении, она обронила, что находилась в тылу и «держала оборону». А такими весомыми словами обычно разбрасываются лишь те мастера, которые способны в одиночку переломить исход любой сечи.

Су Пинь радостно всплеснула руками:

— Ну что же ты молчала, матушка! Оказывается, тебе всё под силу! А я-то от страха чуть ума не лишилась!

— Тебе бы терпению поучиться, егоза ветреная, — ласково пожурила её целительница, легонько похлопав по макушке. — Ладно, полно пустой болтовни. Срок настал, Её Высочеству пора возвращаться.

И стоило ей договорить, как пальцы лежащей на постели Дунфан Цзе судорожно дрогнули — воительница словно пыталась нащупать рукоять верного меча.

— Мы... что с нами приключилось?

<http://bllate.org/book/18428/1865480>